

Н. Н. АКИМОВА

**«Питомцы счастливой свободы»:
киргиз-кайсаки в художественном
контексте первой трети XIX века**

В статье на примере трех произведений первой трети XIX в. – поэмы Н. Муравьева «Киргизский пленник» (1828), романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829) и повести В. А. Ушакова «Киргиз-кайсак» (1830) – рассматривается эволюция жанрового воплощения темы и образа киргиз-кайсака (так до 1936 г. называли представителей казахского этноса). Наряду с литературными текстами привлекается визуальный контекст, представленный работами русских графиков, позволяющий сформировать образ степняка-казаха в представлении читателя и зрителя.
Ключевые слова: киргиз-кайсаки; романтическая поэма; нравоописательный роман; графика; Ф. В. Булгарин; Е. М. Корнеев; Н. Муравьев; В. А. Ушаков

Акимова Наталья Николаевна

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.
Заведующая кафедрой гуманитарных и философских наук, профессор.
Доктор филологических наук, доцент.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 17.
E-mail: akimova_natalia@inbox.ru
ORCID: 0009-0004-2195-5903

Natalia Akimova

**“Nurslings of Blessed Freedom”:
Kirghiz-Kaisaks in the Artistic Context
of the First Third of the 19th Century**

Using the example of three works of the first third of the 19th century – N. Muravyov's poem “The Kirghiz Prisoner” (1828), F. Bulgarin's novel “Ivan Vyzhigin” (1829) and V. Ushakov's novella “Kirghiz-kaisak” (1830), the article examines the evolution of the genre embodiment of the theme and image of Kirghiz-kaisak (the name the representatives of the Kazakh ethnic group until 1936 were called). Along with literary texts, the visual context presented by the works of Russian graphic artists is used, which allowed to form the image of a Kazakh steppe dweller in the mind of a reader and a viewer.
Keywords: Kirghiz-kaisaks; romantic poem; moral novel; graphic art; F. Bulgarin; E. Korneev; N. Muravyov; V. Ushakov

Akimova Natalia

St Petersburg Repin Academy of Fine Arts.
Head of the Department of Humanities and Philosophy, Professor.
Doctor of Philology, Associate Professor.

Russia, 199034, St Petersburg, Universitetskaya nab., 17.

E-mail: akimova_natalia@inbox.ru

ORCID: 0009-0004-2195-5903

Теперь займут от скуки нас
Кайсацкие погони в поле.

Н. Муравьев

С одой Г. Р. Державина «Фелица» (1782), открывающейся строкой: «Богоподобная царица Киргиз-Кайсацкая орды...», в русскую поэзию вошли новые герои. Европейские и русские произведения восточной тематики, как правило, знакомили с ближневосточными халифами, их мудрыми визирями и экзотическими красавицами – киргиз-кайсаки были новичками отечественного «восточного текста». Как известно, инициатива принадлежала Екатерине II: державинская ода отсылала к «Сказке о царевиче Хлоре», написанной императрицей для ее внука, великого князя Александра Павловича. Нравоучительный сюжет сказки соответствовал европейской просвещенческой литературной традиции: восточные повести и апологи рассказывали о поисках Добродетели под руководством мудрого восточного наставника. В этом качестве и предстает в сказке императрицы царица Фелица, с помощью которой осуществляется инициация юного царевича Хлора. Если выбор на эту роль восточной мудрой правительницы жанрово предсказуем, то его конкретизация в образе представительницы киргиз-кайсацкого этноса обусловлена внелитературными конвенциями – расширением Российской империи на юг и восток [см.: 16] (от взаимоотношений с киргиз-кайсаками зависели безопасность торговли в регионе и открытие прямого сухопутного пути в Индию [25, с. 47]).

О том, что у Державина под Фелицей подразумевается царственный адресат (Фелица позднее появится в державинских одах «Видение мурзы», «Изображение Фелицы», «Благодарность Фелице»), читатель был хорошо осведомлен и без труда визуализировал образ. А вот как выглядит собственно киргиз-кайсацкая царица, представлял с трудом. Иллюстративный код, в соответствии с классицистической традицией, трактовал образы в виде условных античных фигур.

Новая возможность представилась в начале XIX столетия. В 1802 г. граф Г.-М. Спренгпортен, по его словам, «получил лестное поручение объездить часть России и ее южные границы от Кяхты до Корфу в сопровождении нескольких офицеров и одного рисовальщика» [6, с. 26]. Этим рисовальщиком, принявшим участие в трехлетней, имевшей военно-стратегические цели экспедиции, был выпускник Императорской академии художеств, ученик Г. И. Угрюмова, мастер видовой графики, впоследствии академик исторической живописи (1807) Емельян Михайлович Корнеев (1782–1839). За годы экспедиции он сделал много рисунков, запечатлевших виды отдаленных уголков России и облик представителей населявших ее народов. Не найдя возможности творчески реализовать богатый материал, в 1810 г. он принял предложение баварского посланника при русском дворе, собирателя произведений искусства на русские темы графа К. Рехберга издать альбом гравюр. Корнеев отправился в Мюнхен, где совместно с Рехбергом и Ж.-Б. Деппингом подготовил двухтомный альбом «*Les peuples de la Russie, ou Description des mœurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie, accompagnée de figures coloriées*» («Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи») [26]. Напечатанный в Париже с посвящением императору Александру I альбом отличался высоким художественным качеством, он включал 96 гравюр, выполненных в техниках акватинты, офорта и меццотинто, с ручной акварельной раскраской, сопровождавшихся текстом на французском и русском языках. Это было первое большое европейское издание по рисункам русского художника. Интерес к жизни народов России обусловил то, что многие художники-иностранцы впоследствии копировали работы Корнеева [см.: 6, с. 15].

Наряду с изображениями русских, украинцев, татар, грузин и других народов в альбоме были представлены два офорта, гравированные другим выпускником Академии художеств – Егором Осиповичем Скотниковым (1780–1843), изображавшие киргиз-кайсакую знать – султана и султаншу (ил. 1, 2), и жанровая гравюра К.-Х. Гессе по рисунку Корнеева «Киргизская беркутовая охота» (ил. 3). «Идеализированные, лишённые индивидуальных черт

фигуры величавы, неторопливы в движениях. Обычно поза и жест выразительнее, чем лицо», – писала о них исследовательница творчества Е. М. Корнеева [6, с. 84]. Поэтические образы получили этнографически ориентированную визуализацию.

В первые десятилетия XIX в. значительно расширился и репертуар научных, научно-популярных историко-географических сочинений, посвященных киргиз-кайсакам, их быту, верованиям и проч. [см.: 1; 2; 4; 8; 9; 10; 11; 13; 15; 20]. Знаменательным моментом в изучении этноса стал поставленный А. И. Левшиным (вслед за исследователями XVIII в.) вопрос о необходимости разграничения экзоэтнонимов двух самостоятельных народов – киргизов и степняков, использующих самоназвание «казаки», или «казахи», к которым неправомерно применялся этноним «киргиз-кайсаки» или «киргизцы» [10]. По свидетельству современника Левшина, полковника барона Е. К. Мейендорфа, также наблюдавшего быт кочевого племени, самоназвание киргиз-кайсаков – казаки, т. е. «воины», или «всадники», киргизами же их называли враждебные им башкиры [13, с. 43]. Несмотря на убедительную научную аргументацию, лишь в 1936 г. киргиз-кайсаки официально стали казахами.

Однако в XIX в. описание в русской литературе жизни киргиз-кайсаков определяли не научные труды, а главное художественное явление времени – романтизм [см.: 21]. В 1828 г. в Москве вышла поэма Н. Муравьева «Киргизский пленник». Долгое время автором поэмы ошибочно считали сенатора Николая Назарьевича Муравьева, но во второй половине XX в. были обнаружены сведения о ее принадлежности студенту Московского университета Николаю Муравьеву [см.: 12, с. 163]. Произведение вторичное и как лиро-эпическая поэма, и как один из образчиков сложившегося в русской романтической поэзии топоса «пленника». Собственно отечественная романтическая поэма и началась «узниками» и «пленниками»: выходом в 1821 г. «Кавказского пленника» А. С. Пушкина и выполненного В. А. Жуковским перевода байроновского «Шильонского узника». К быстро набравшим в литературе популярность узникам горцев вскоре присоединились пленники «диких» степных народов, в том числе

киргизцев, тем более что события на восточных границах давали для этого богатый материал [см.: 19].

Муравьёв прекрасно сознавал скромность своего поэтического дара и подражательность творения, предупредив читателя, что не в силах «...все вам красиво описать...», сетуя:

Но как же быть! Я не Парни,
Не Пушкин, страстью вдохновенный, –
И гаснут страстные огни
В моей фантазии смиренной.
Бог с ними! В следующий раз
Я напишу кой-что поболее,
Теперь займут от скуки нас
Кайсацкие погони в поле [14, с. 43–44].

Хотя в подзаголовке поэмы автор сообщал, что на создание поэмы его вдохновила истинная история, на самом деле она, скорее всего, была почерпнута из литературного источника – повести П. М. Кудряшёва «Киргизский пленник (быль Оренбургской линии)» [7]. Один из первых исследователей русско-казахских литературных связей М. И. Фетисов полагал, что «оба автора пользовались одним и тем же источником, находились в каком-то личном взаимодействии» [24, с. 136].

Герой поэмы, уральский казак Федор, оказавшийся в плену у киргиз-кайсаков, отвечает, казалось бы, канону байронической поэмы: как и положено романтическому пленнику, он влачит свои дни «туманный и унылый» [14, с. 39], главным событием в плену становится его встреча с прекрасной восточной красавицей Баяной – 15-летней дочерью старого Батыря. При этом автора не смущает, что Федора восхищают «Баяны очи голубья» [14, с. 40], в то время как ее отцу жаль своей «Баяны черноокой» [14, с. 45] – по всей видимости, в представлении автора романтическая условность поэмы не предполагала точности портрета. Ни загадочности и исключительности героя, ни каких-либо поисков «веселого призрака свободы», ни напряженных конфликтов и страстей в поэме нет, а главное, в ней отсутствует основная структурная особенность романтической

поэмы – способность героя пережить «вторичное отчуждение» (термин Ю. В. Манна). Влюбленный в Баяну Федор с ее помощью бежит из плена и счастливо соединяется с любимой киргизкой:

А Федор наш? Он пировал
В чаду семейных наслаждений,
Беспечно время убивал
В роскошной неге упоений;
И верный он, не изменил
Киргизской деве черноокой... [14, с. 46].

Единственным собственно романтическим элементом, приближающим поэму к байроническому канону, оказывается экзотический киргиз-кайсацкий фон. Киргизцы врываются в текст «чуть озаренные луной»:

Сыны губительного края,
Могучи, с бодрою душой,
И смерть и гибель презирая,
Отважно мчатся на разбой.
Кинжал, товарищ неизменный,
И вороненая стрела,
И лук, берестой оплетенный,
На нем тугая тетива,
Да шашка острая стальная
Киргизцев украшают строй.
Они соседственного края
Священный рушили покой:
Боятся их все жены, дети,
Внимая дедовским словам
И удивляясь их делам,
Мужья трепещут страшной сети.
[14, с. 12–13]

В лирическом отступлении киргизцы поют о себе: «Питомцы счастливой свободы, / Мы ясным днем соседям страх, / А ночью – демоны природы!» [14, с. 16]. Несложно заметить сходство в изо-

бражении степняков с горцами из пушкинского «Кавказского пленника». Романтическая поэма к этому времени уже наработала свои топосы, в том числе в трактовке детей природы, явленных в двух вариантах – хищном и смиренном. Киргиз-кайсаки Муравьёва явно принадлежат к первому. Несмотря на художественную беспомощность подобных творений, русская романтическая поэма, вызывая сочувствие к своему герою-пленнику, по справедливому замечанию Е. К. Созиной, «активно выполняла экстралитературные функции: она становилась источником информации о неведомых краях империи... „работала“ как на формирование национальной идентичности, так и на геополитические интересы России» [18, с. 7].

Уже через год тема киргиз-кайсаков и их пленников обрела новое жанровое воплощение. В 1829 г. вышел в свет первый отечественный бестселлер – роман Ф. В. Булгарина (1789–1859) «Иван Выжигин», в течение нескольких месяцев дважды переизданный и вскоре переведенный на иностранные языки. Юный герой романа Иван Выжигин, отправившись за своей возлюбленной в Оренбург, неожиданно попадает в плен к киргиз-кайсакам. Однако его пленение, вопреки сложившемуся в романтизме сюжетному стереотипу, не является результатом хищнического набега диких киргизцев – напротив, киргизец Арсалан-султан спасает Ивана из рук злодеев от неминуемой гибели.

«Открыв глаза, хочу пошевелиться, но чувствую, что я окутан во что-то мокрое и связан. Звук, похожий на игру на гудке, поражает слух мой. С величайшим трудом я поворотил голову от стены к свету, и всё, что представилось глазам моим, приводило меня в удивление. Я лежал в палатке на куче войлоков, и, весь нагой, завернут был в сырую баранью шкуру, шерстью вверх. Возле моей постели сидел человек в пестром халате, в высокой, черной бараньей шапке; он играл на гудке, напевал унылым голосом, качал в такт головою и делал страшные гримасы. По сплюснутым глазам этого человека, по смуглому цвету лица, выдававшимся скулам и редким волосам на усах и бороде я узнал киргизца» [3, с. 66].

Нельзя не заметить, что портрет киргизца соотносим с этнографическим портретом Корнеева «Киргизский султан», который,

возможно, видел Булгарин, серьезно интересовавшийся исторической географией и статистикой, хорошо знавший европейские источники. В отличие от романтической поэмы, в его романе нашли отражение и материалы из этнографических сочинений. Так, сведения о лечении Выжигина в степи, как и другие приметы быта киргиз-кайсаков, Булгарин почерпнул у А. И. Левшина, чью статью он поместил в своем журнале «Северный архив» [9]. В примечании от издателя Булгарин писал, что статья является лишь отрывком из большого сочинения с описанием степных орд на границе киргизской, где автор статьи жил «около двух лет, наблюдал, собирал сведения от старейшин сего народа, пользовался делами Оренбургского архива» [9, с. 313]. После выхода из печати этого большого сочинения Левшина [8] булгаринская «Северная пчела» в анонимной рецензии отметила, что «подобные сочинения приносят большую пользу в настоящем, служа к распространению познаний о нашем Отечестве и его событиях, но *еще более важны для будущих писателей, которым представляют богатый запас материалов*» (курсив мой. – Н. А.) [17].

Однако описание киргиз-кайсацкой орды (главы XIII–XV, XVII) создается в романе Булгарина не только с опорой на этнографическое сочинение Левшина, но и на сложившуюся в литературе эпохи Просвещения «восточную» традицию, о которой выше шла речь. Дети степей в романе представлены в соответствии с просвещенческими представлениями. Хотя они воинственны и жестоки (так, Арсалан предупреждает своего пленника: «Служи мне верно, если хочешь жить счастливо; когда же я замечу в тебе охоту к побегу, то продам в Хиву или велю убить, как барана» [3, с. 67]), но простотой и неиспорченностью нравов противостоят развращенным цивилизованным европейцам: эту идею иллюстрирует рассказ Арсалана о его пребывании в Петербурге.

«Восточная линия» с описанием киргизского плена своей экзотикой отвечала потребности широкого читателя в увлекательном, однако вместе с тем художественная функция киргизских глав в романе несводима лишь к экзотике. В «Иване Выжигине», первом отечественном нравоописательном романе, автор попы-

тался представить жизнь Российской империи от западных ее окраин (новоприобретенных польско-белорусских территорий) до восточных степных границ. Киргизские главы должны были служить элементом широкой эпической картины национального бытия в форме нравоописания. Семья Арсалан-султана является в романе нравоописательной моделью, в которой типизирована жизнь кочевников.

«Семейство Арсалан-султана состояло из трех жен и четырех детей: трех дочерей от 5 до 7 лет и одного сына, юноши в мои лета. Все три жены были молоды и хороши собою. Если принять правилом, что суженные глаза и выдававшиеся скулы не составляют безобразия, то жены Арсалан-султана были бы красавицами и в европейской столице; а он сам, хотя уже имел лет за сорок, мог назваться киргизским Аполлоном. Сын его рожден был четвертою женою, которой уже не было в живых, но молодой Гаюк в каждой из трех своих мачех находил ласки и нежность, которыми не всегда могут похвалиться пасынки между образованными народами. Мой господин был счастлив своим семейством. Жены его жили дружно между собою, имели нрав веселый и старались угождать мужу всеми возможными средствами. Они отменно ласково обходились с служителями и меня любили как родного брата. Им обязан я своим выздоровлением» [3, с. 69].

В свою очередь, отношения киргизца Арсалана и его русского пленника оказывались попыткой беллетристической интерпретации межэтнических отношений в Российской империи. Булгарин предложил свой утопически-оптимистичный вариант, основанный на просвещенческой вере в добрую природу человека любой национальности и социальной принадлежности, гарантирующей бесконфликтное существование инородцев в империи. Сюжетные приключения героев иллюстрируют эту модель: Арсалан спасает от смерти Выжигина, обучает его всем премудростям жизни настоящего степного наездника; Выжигин платит ему тем же – он спасает в битве жизнь Арсалану, а позднее совершает подвиг в войне с турками благодаря полученному у кочевников мастерству джигитовки. Перед нами своеобразный обмен великодушием:

«Нет, Арсалан-султан, я не оставлю тебя в опасности! – заявляет Иван. – Киргиз не превзойдет русского в великодушии. Ты спас мне жизнь: ты обходился со мною не как с рабом, но как с сыном, как с другом; ты научил меня владеть оружием – и я был бы недостоин свободы, если б был столь малодушен, что бежал от тебя, когда ты идешь на смерть» [3, с. 81]. В итоге пленник «освобождается за оказанные им великие услуги превосходному племени баганалы-кипчацкому» [3, с. 92]. (Название одного из племенных союзов в романе создано с опорой на современную Булгарину этнографию: баганалы и кипчаки – племена, входящие в Средний жуз – группу казахских племенных объединений.)

Для реализации подобного невероятного сюжета Булгарин нарушил еще один сложившийся стереотип романтического «восточного текста». Он существенно сместил акценты, включив в роман любовную историю попавшего в Петербург киргиз-кайсака Арсалана и русской дворянки Софии, честь которой тот спасает. В отличие от романтической поэмы в романе погибает не представительница нецивилизованного народа (подобно пушкинским Черкешенке и Земфире или финляндке Эдде в одноименной поэме Е. А. Баратынского), а русская героиня. Более того, в браке Арсалана и Софии не инородец ради любви принимает православие, как в повести П. М. Кудряшёва «Киргизский пленник» (киргизка Баяна после крещения превращается в «прелестную Ольгу»¹), а русская православная дворянка становится киргизкой и затем умирает, оставляя безутешного мужа.

«Я десять лет был счастлив с Софиею. Гаюк – плод нашей любви. Она умерла! По обычаю нашего народа и по воле хана, я должен был жениться; у меня теперь три жены: они добрые женщины, ты знаешь их. Но я любил одну Софию и никогда не утешусь в ее потере. Иван, верь мне, в степях киргизских знают любовь и дружбу, хотя не умеют красно об них рассказывать. Теперь ты знаешь, отчего я люблю русских. София соединяет меня с вами. Вот отчего, вопреки нашему обычаю, я обхожусь с тобою, моим невольником, как с равным», – признается Арсалан-султан [3, с. 78–79].

Так создается болгаринская непротиворечивая модель имперского колониализма. Ему удалось найти свою нишу в литературном освоении окраин Российской империи на фоне кавказских и украинских повестей, он попытался адаптировать восточную экзотику, привлекая этнографические материалы, с которыми был хорошо знаком как редактор не только «Северной пчелы», но и журнала «истории, статистики и путешествий» «Северный архив». Существенным моментом стало смещение художественного внимания с героя-пленника на киргизское окружение – киргиз-кайсаки, не теряя привлекающей читателя экзотики, тем не менее перестали быть условным романтическим фоном.

В еще большей мере жанровые стратегии романтизма были нарушены уже через год после «Ивана Выжигина», когда в Москве вышла большая повесть Василия Аполлоновича Ушакова (1789–1838) «Киргиз-кайсак» – своеобразный литературный ответ Булгарину. Ушаков нередко выступал в «Северной пчеле» с заметками в виде писем к другу Булгарину. Неслучайно во вступлении к своей повести он упомянул, что к изданию «Киргиз-кайсака» его подтолкнула плодовитость Булгарина-романиста [22, ч. I, с. II]². О возникновении повести в результате творческих контактов Булгарина и Ушакова высказывал предположение В. Э. Вацуро. По мнению исследователя, общность двух произведений в том, что они принадлежали одному направлению, «возрождавшему и реформировавшему традицию просветительского дидактического романа, с характерными для него „социальными масками“, консервативным демократизмом, „антиаристократическими“ тенденциями», основой которого являлся «грибоедовский метод сатирического панорамирования» [4, с. 450].

Тем не менее авторское жанровое определение «повесть» для большого, романного по своей сути нарратива определялось, по всей видимости, отсутствием широкого нравоописательного эпического плана, который мыслился Ушаковым, как и Булгариным, романным атрибутом. Вместо этого «Киргиз-кайсак» отличается значительно более глубокой трактовкой внутреннего мира героев, большей сложностью их характеров. Более

сложным оказывается и сюжетное построение, с подключением арсенала романа тайн: любовная интрига осложняется загадкой происхождения героя, символическими вещими снами и в конечном итоге разрешается катастрофической развязкой. Вместе с героем читатель лишь в финале открывает тайну его рождения: блестящий гвардейский офицер Виктор Славин оказывается сыном бедной киргизки и выгнавшего ее русского казака – опасаясь голодной смерти ребенка, мать была вынуждена продать его русским. Ситуация торговли «киргизятами» и «калмычатами» была характерной реальностью восточных имперских окраин [см.: 24, с. 72]. Славин-старший купил мальчика для княгини Холмской, но после смерти собственного малолетнего сына, по совету княгини, выдал за него маленького «киргизенка», крещеного под тем же, что и сын, именем Виктор. В итоге воспитанный княгиней мальчик вырос как русский дворянин, получив прекрасное образование и богатое наследство. Ушаков не только обыграл в сюжете ситуации из комедии «Горе от ума» (начиная с имени возлюбленной героя – княжны Софьи Павловны и заканчивая трагическим разочарованием умного героя), но и наделил сына бедной киргизки чертами своего близкого родственника, А. С. Грибоедова, – прекрасным знанием языков, литературной и музыкальной одаренностью, не позволив усомниться в потенциальных богатых возможностях кочевого народа, подавленных социальными условиями. При этом по сравнению с Выжигиным (оказавшимся плодом любви крестьянки и князя Милославского), Ушаков предложил более реалистичную и социально острую мотивировку судьбы героя, отказавшись от идиллической экзотики. Открытие биографической тайны в «Киргиз-кайсаке» влечет за собой не счастливую развязку, как в случае с Выжигиным, а, напротив, потрясает Славина, в особенности встречи сначала с не узнавшей его матерью, а затем с ее обидчиком, собственным отцом – русским казаком Ермолаем Хнычкиным, которым он не может открыться. Славин открывает в себе неожиданное влечение к родному человеку. Так возникает в повести романтически напряженная тема любви-ненависти, обнажая конфликт голоса

крови и воспитания, неспособности совместить любовь к Москве, России с любовью к родной степи, земле матери. Будучи как настоящий дворянин человеком чести, Славин открывает свою тайну (со словами: «Честь дороже всего!» [22, ч. 2, с. 101]) не только невесте, но и ее чванливому невежественному отцу, теряя надежду на счастье. В итоге полный достоинств герой (одаренный, красивый, храбрый, успешный) не погибает в бою, а умирает, не в силах справиться с открывшейся правдой, принять собственную идентичность. Повесть Ушакова, в отличие от литературных предшественников, окончательно перенесла внимание с пленника на его «восточное» окружение. Представив диффузный, компромиссный вариант (герой-полукровка, одновременно русский и киргиз-кайсак), она обнажила драматические коллизии во взаимоотношениях национальных миров³, в ней предпринята попытка осмыслить эти противоречия через психологическую проблематику, самоидентификацию героя-инородца, вырванного из привычной среды. Симптоматично, что время от времени на сюжетную поверхность выходит мотив театральности – герои воспринимают сюжетные коллизии, в которых оказываются, через призму различных драматических жанров: то комедии Грибоедова, о чем уже шла речь, то комедии положений [22, ч. 2, с. 111], трагедии [22, ч. 2, с. 128–129] или французской мелодрамы [22, ч. II, с. 144–151]. Рассказавший в письме о встрече Славина с казаком (отцом Славина) не знающий его тайны сослуживец резюмирует: «Нам казалось, что мы видим таинственную сцену из немецкой трагедии, разыгранную искусными актерами» (22, ч. 2, с. 195). Любопытно, что, обратившись к художественному осмыслению известного сюжета «горя от ума» своего современника, Ушаков сделал героем инородца киргиз-кайсака, проблематизировав жанровое воплощение его истории. Повесть задала вектор для дальнейшего осмысления темы инородца, вызвала высокую оценку критики и была тепло принята публикой. Довольно сдержанный в самооценках Ушаков писал Булгарину: «Мой „Киргиз-кайсак“, мною самим почитаемый безделкою, произвел такой энтузиазм, какой не был возбуждаем в русских. Вся

Москва и все приезжающие сюда провинциалы хотели видеть автора оной повести...» [23].

***

В 1830-х гг. русская литература только выходила к проблематике межэтнических отношений, осмыслению судеб героев, представителей имперских окраин. Симптоматично, что рассмотренные нами в аспекте довольно локальной темы произведения появились одно за другим в течение трех лет, свидетельствуя о стремительности этого процесса, представленного сменой жанровых моделей, ориентированных преимущественно на просвещенческую и романтическую традиции. Нельзя не заметить эволюции художественных решений: от условных клишированных характеров кочевников киргиз-кайсаков к этнографически типизированным, а затем и более сложным героям, с постановкой психологических, морально-этических и социальных проблем. Сходным образом менялся и визуальный контекст, обнаруживающий движение от эмблематических фигур к «стилю свидетеля» (В. Карпаччо) – этнографическому портрету. Экзотические киргизы уступили место реалистически типизированным портретам представителей казахского этноса, вплоть до художественного использования фотографии. Так, «Русский художественный листок», иллюстрированное издание В. Ф. Тимма, поместил в 1861 г. (лист 21) литографию с рисунков А. Ф. Чернышева и с фотографии А. И. Шпаковского «Типы киргиз-кайсаков, подвластных России» (ил. 4). Благодаря работам русских графиков литературные образы степняков киргиз-кайсаков получили визуальную поддержку и обрели черты этнических стереотипов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Киргизская девушка приняла христианскую веру; при святом крещении она была наречена Ольгою – и сделалась супругою счастливого Федора. Прелестная Ольга очень скоро выучилась говорить по-русски, привыкла к нашим обычаям, к нашему образу жизни и была доброю женой, доброю хозяйкой и доброю матерью своих детей – плодов супружеской любви» [7, с. 290].

² Переписка Ушакова и Булгарина сохранила некоторые следы диалога-полемики о «Киргиз-кайсаке» [см.: 23].

³ Так, отец Софьи, узнав о происхождении Славина, заявляет: «Я не посрамлю своего рода. Пожалуй, много у нас отыщется калмычат, киргизят, каракалпаков и других степных выходцев, которых покупают, как обезьян и попугаев, единственно для забавы. Не прикажете ли их всех переженить на знатнейших девицах нашего Отечества, на княжнах, на графинях?» [22, ч. 2, с. 151–152].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. [Большой С.] Записки доктора Саввы Большого о приключениях его в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о киргиз-кайсацкой степи // Сын Отечества. 1822. № 11. С. 168–177; № 12. С. 213–220; № 4. С. 289–305; № 15. С. 24–34; № 35. С. 49–68.
2. *Боровков А. Д.* Поездка на Илецкую Защиту // Соревнователь просвещения и благотворения. 1819. № 1. С. 17–38.
3. *Булгарин Ф. В.* Иван Выжигин // Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина : Новое сжатое (компактное), исправленное и умноженное : в 7 т. СПб. : В тип. Н. Греча, [1839]. Т. 1.
4. *Вацуро В. Э.* Василий Ушаков и его «Пиковая дама» // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб. : Академический проект, 2000. С. 440–465.
5. *Герман [Ф. И.]* О киргизцах // Вестник Европы. 1821. № 22. С. 123–138; 1822. № 3. С. 217–227; № 4. С. 290–305; № 22. С. 134–138.
6. *Гончарова Н. Н.* Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала века. М. : Искусство, 1987. 384 с.
7. *Кудряшёв П. [М.]* Киргизский пленник. (Быль Оренбургской линии) // Отечественные записки. 1826. Ч. 28. № 79. С. 273–290.
8. *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей: Ч. I–III. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1832. 334 с.
9. *Левшин А. [И.]* О просвещении киргиз-кайсаков // Северный архив. 1825. № 24. С. 313–332.
10. *Левшин А. [И.]* Об имени киргиз-кайсацкого народа и его отличии от подлинных, или диких киргизов // Московский вестник. 1827. № 4. С. 432–451.
11. *Левшин А. [И.]* Свидание с ханом меньшей Киргиз-кайсацкой орды // Вестник Европы. 1820. № 22. С. 129–139.
12. *Лямина Е. Э.* Муравьев Николай Назарьевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М. : Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 4 : М–П. С. 162–164.
13. *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М. : Наука, 1975. 180 с.
14. *Муравьев Н.* Киргизский пленник. Повесть в стихах. М. : В тип. Августа Семена при Императорской Мед.-хирургической академии, 1828. 48 с.
15. *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб. : Имп. академия наук, 1821. 98 с.

16. Приказчикова Е. Е. «Богоподобная царевна киргиз-кайсацкие орды» и ее мурза: к истории создания одного мифа // Дергачевские чтения – 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики : мат-лы XIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург : УрО РАН, 2019. С. 20–28.
17. Северная пчела. 1832. № 272. 19 ноя.
18. Созина Е. К. Дискурс «Степных пленников» в русской литературе XIX века // Уральский исторический вестник. 2016. № 1(50). С. 6–15.
19. Созина Е. К. Степные пленники. Литературная универсалия и ее актуальная контекстность в отечественной словесности первой трети XIX века // Кормановские чтения: ст. и мат-лы межвуз. науч. конф. Ижевск, 2011. С. 35–46.
20. [Спаский Г. И.] Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. // Сибирский вестник. 1820. Ч. 9. С. 71–140; Ч. 10. С. 141–188.
21. Сухих О. Е. «В стране свободной и степной...», или Русский романтизм начала XIX в. в поисках казахской экзотики // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 62–67.
22. [Ушаков В. А.] Киргиз-кайсаки. Повесть: Ч. 1–2. М. : Тип. Н. Степанова при Императорском театре, 1830.
23. Ушаков В. А. Письмо Ф. В. Булгарину // «Благо разрешился письмом...»: Переписка Ф. В. Булгарина / сост. А. И. Рейтблат; подгот. текста и коммент. Н. Н. Акимовой и А. И. Рейтבלата. М. : Новое литературное обозрение, 2025. С. 145.
24. Фетисов М. И. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века. Алма-Ата : Казахское гос. изд-во художественной литературы, 1959. 479 с.
25. Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 352 с.
26. Les peuples de la Russie, ou Description des mœurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie, accompagnée de figures coloriées. Paris : D. Colas, 1812–1813. Т. 1–2.

REFERENCES

1. [Bol'shoi, S.] *Notes of Doctor Savva Bolshoy on his adventures in captivity by the Kirghiz-Kaisaks in 1803 and 1804. With remarks on the Kirghiz-Kaisak steppe.* Syn Otechestva, 1822, no. 11, pp. 168–177; no. 12, pp. 213–220; no. 14, pp. 289–305; no. 15, pp. 24–34; no. 35, pp. 49–68. (In Russian).
2. Borovkov, A. D. *Trip to Iletskaia Zashchita.* Sorevnovatel' prosveshcheniia i blagotvoreniiia, 1819, no. 1, pp. 17–38. (In Russian).
3. Bulgarin, F. V. *Ivan Vyzhigin.* Polnoe sobranie sochinenii Faddeia Bulgarina. 7 vols. St. Petersburg, In tip. N. Grecha, [1839], vol. 1. (In Russian).
4. Vatsuro, V. E. *Vasily Ushakov and his "Queen of Spades".* Vatsuro, V. E. Pushkinskaia pora. St Peterburg, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 440–465. (In Russian).

5. German [F. I.]. *On the Kirghiz*. Vestnik Evropy, 1821, no. 22, pp. 123–138; 1822, no. 3, pp. 217–227; no. 4, pp. 290–305; no. 22, pp. 134–138. (In Russian).
6. Goncharova, N. N. *E. M. Korneev. From the History of Russian Graphics of the Beginning of the Century*. Moscow, Iskusstvo, 1987, 384 p. (In Russian).
7. Kudriashëv, P.[M.] *The Kirghiz Prisoner. (A Story from the Orenburg Line)*. Otechestvennye zapiski, 1826, pt. 28, no. 79, pp. 273–290. (In Russian).
8. Levshin, A.I. *Description of the Kirghiz-Kaisak, or Kirghiz-Cossack hordes and steppes*: Pts. I–III. St Petersburg, Tip. Karla Kraiia, 1832, 334 p. (In Russian).
9. Levshin, A.[I.] *On the education of the Kirghiz-Kaisaks*. Severnyi arkhiv, 1825, no. 24, pp. 313–332. (In Russian).
10. Levshin, A.[I.] *On the name of the Kirghiz-Kaisak people and its difference from the genuine, or wild Kirghiz*. Moskovskii vestnik, 1827, no. 4, pp. 432–451. (In Russian).
11. Levshin, A.[I.] *Meeting with the khan of the Lesser Kirghiz-Kaisak horde*. Vestnik Evropy, 1820, no. 22, pp. 129–139. (In Russian).
12. Liamina, E. E. *Muravyov Nikolai Nazarievich*. In *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*, ed. P.A. Nikolaev, vol. 4, Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1999, pp. 162–164. (In Russian).
13. Meindorf, E.K. *Journey from Orenburg to Bukhara*. Moscow, Nauka, 1975, 180 p. (In Russian).
14. Murav'ëv, N. *The Kirghiz Prisoner. A Story in Verse*. Moscow, V tip. Avgusta Semena pri Imperatorskoi Med.-khirurgicheskoi Akademii, 1828, 48 p. (In Russian).
15. Nazarov, F. *Notes on some peoples and lands of the central part of Asia*. St Petersburg, Imp. akademiia nauk, 1821, 98 p. (In Russian).
16. Prikazchikova, E. E. *"The godlike princess of the Kirghiz-Kaisak horde" and her murza: on the history of the creation of a myth*. In *Dergachevskie chteniia – 2018. Literatura regionov v svete geo- i etnopoetiki: materialy XIII Vserossiiskoi nauch. konferentsii*. Yekaterinburg, UrO RAN, 2019, pp. 20–28. (In Russian).
17. Severnaia pchela, 1832, no. 272, 19 noiabria. (In Russian).
18. Sozina, E. K. *The discourse of the "Steppe prisoners" in Russian literature of the 19th century*. Ural'skii istoricheskii vestnik, 2016, no. 1(50), pp. 6–15. (In Russian).
19. Sozina, E. K. *Steppe prisoners. A literary universality and its actual contextuality in the national literature of the first third of the 19th century*. Kormanovskie chteniia: stat'i i materialy mezhvuz. nauch. konferentsii. Izhevsk, 2011, pp. 35–46. (In Russian).
20. [Spasskii, G. I.] *Kirghiz-Kaisaks of the Great, Middle and Lesser hordes*. Sibirskii vestnik, 1820, pt. 9, pp. 71–140; pt. 10, pp. 141–188. (In Russian).
21. Sukhikh, O.E. *"In a free and steppe country..." or Russian romanticism of the early 19th century in search of Kazakh exoticism*. Vestnik Omskogo universiteta, 2009, no. 3, pp. 62–67. (In Russian).

22. [Ushakov, V. A.] *Kirghiz-Kaisak*. A Story: Pts. 1-2. Moscow, Tip. N. Stepanova pri Imperatorskom teatre, 1830. (In Russian).
23. Ushakov, V. A. *Letter to F.V. Bulgarin*. "Blago razreshilsia pis'mom...": Perepiska F. V. Bulgarina, comp. A. I. Reitblat; text N. N. Akimova, A. I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2025, p. 145. (In Russian).
24. Fetisov, M. I. *Russian-Kazakh literary relations in the first half of the 19th century*. Alma-Ata, Kazakhskoe gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1959, 479 p. (In Russian).
25. Khodarkovsky, Michael. *Russia's steppe frontiers. The making of a colonial empire, 1500–1800*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 352 p. (In Russian).
26. Les peuples de la Russie, ou Description des mœurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie, accompagnée de figures coloriées. Paris, D. Colas, 1812–1813, Vol. 1–2.

1. Киргизский султан. 1809. Гравюра Е. О. Скотникова по рисунку Е. М. Корнеева. Офорт, раскраска акварелью Корнеева

2. Киргизская султанша. 1809. Гравюра Е. О. Скотникова по рисунку Е. М. Корнеева. Офорт, раскраска акварелью Корнеева

3. Киргизская беркутовая охота. 1812. Гравюра К.-Х. Гессе по рисунку Е. М. Корнеева. Офорт, акватинта, мещо-тинто, цветная печать

4. Тимм В. Ф. Типы киргиз-кайсаков, подвластных России. 1861.
Тоновая фотография